

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА ШАДРИНА

кандидат философских наук, доцент кафедры регионоведения, международных отношений и политологии

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Российская Федерация)

shadrina.olga.29@mail.ru

Рец. на кн.: Голдин В. И. Север России на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 – лето 1918. – Архангельск: САФУ, 2018. – 623 с.

Предлагаемая вниманию читателей книга профессора В. И. Голдина «Север России на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 – лето 1918» является первым томом задуманного автором трехтомного исследования. В. И. Голдин исходит из предпосылки, что «северная цивилизация – во многом особый путь развития» и субъектом ее истории является «особый тип человека, сформировавшийся здесь на протяжении веков посредством величайшего трудолюбия». Свободолюбие, упрямство в достижении цели, вера, традиционность, общинность в укладе жизни, ориентированность на подвиг – черты коренных жителей, тех, кто любит Север. К их числу относится и сам автор, посвятивший многолетний профессиональный труд историка исследованию того клубка противоречий, что составили бурную эпоху революции и Гражданской войны в России, и вписавший в эту картину судьбу Русского Севера.

В. И. Голдин отмечает «сформировавшийся к началу XX века северный регионализм», но видит в нем, как и в сибирском областничестве, «конструктивный, а не сепаратистский характер».

На наш взгляд, это особенно важно, так как интервенция делала ставку именно на «федерализацию» Русского Севера: «Северная федерация с центром в Архангельске устраивала Британию» (с. 211), что в дальнейшем могло бы привести к утрате государственности в результате объединенных усилий антибольшевистских сил и интервентов, простирающих свой геополитический интерес через всю территорию России – к Крымскому полуострову и Черному морю. Несмотря на усиленную агитацию, на декабрьском «Северо-Восточном съезде представителей семи губерний» (1917 год) «идея отделения и создания сепаратной федерации не получила поддержки за пределами Архангельска, ибо участники съезда боятся спровоцировать гражданскую войну» (с. 210), – докладывал британский консул в Архангельске Д. Янг. Примером воинствующего сепаратизма явилась тяжелая история Великого Княжества Финляндского, выступившего против России:

«использовать территорию Финляндии для боевых действий против Петрограда и Русского Севера в качестве “северного моста”, который связал бы Германию через Финляндию и Карелию с Арктикой» (с. 104).

Проект «Великой Финляндии» перестал быть угрозой России только после серии войн XX века: Зимней (1939–1940 годов) и Советско-финляндской (1941–1944 годов).

Книга состоит из семи глав, каждая из которых – глубокое самостоятельное исследование, встроенное в логику общего повествования. Пониманию цели и задач автора служит предпосланное *Введение*, в котором профессор В. И. Голдин подчеркивает актуальность темы реформ и военно-революционных потрясений в России; сложившейся опасной зависимости Отечества от стран Запада в результате международной и внутриполитической конъюнктуры. Обращение к данной исторической проблематике должно послужить необходимым уроком в ситуации становления государственности после распада СССР (с. 7).

В первой главе *«Русский Север в начале XX века: проблемы историографии и источниковедения»* автор подробно инвентаризирует основные концептуальные подходы к пониманию исторических политических процессов (от формационного до цивилизационного); подчеркивает важность методологического аппарата исторического регионоведения, позволяющего анализировать «Гражданскую войну как сложнейший социокультурный, национально-этнический, духовно-нравственный феномен» (с. 25). Рассматривая основные направления современных дискуссий по заявленной тематике, исследователь выделяет три базовые научные школы: Карельскую (под руководством профессора Петрозаводского государственного университета М. И. Шумилова); Мурманскую (возглавляемую профессором Арктического государственного университета в Мурманске А. А. Киселевым), Архангельскую (собравшую плеяду замечательных ученых (В. И. Коротаева, Е. И. Овсянкина и др.) и сегодня возглавляемую профессором Северного (Арктического) федерального университета В. И. Голдина).

Структурируя по хронологическому принципу материал тома, максимально объективно,

детально-описательно, можно сказать: реконструируя эпоху, автор придерживается сравнительного подхода, приводя и поясняя различные интерпретации одних и тех же событий в трудах отечественных и зарубежных исследователей, а также современников, наблюдавших меняющуюся картину «с разных полюсов». Масштабность, междисциплинарность представленного исследования позволяет ставить непозволительные с точки зрения исторической науки гипотетические вопросы: «Можно ли было защитить Архангельск от иностранного вторжения?»; «Что нужно было сделать для консолидации общества и обороны города?»; «Можно ли было России избежать участия в Первой мировой войне?» Видится, что именно эти стратегические внутри- и внешнеполитические проблемы, как эхо, отзывающиеся в нашем времени, являются действительным предметом профессионального интереса В. И. Голдина.

На сегодняшний день можно говорить о не прекращающихся дискуссиях вокруг отдельных тем «Гражданской войны и революции» в отечественной и зарубежной историографии, а также в историографии края, неизменным участником которых является профессор В. И. Голдин. Выделим следующие: о развитии российского капитализма и ходе процесса модернизации в конце XIX – начале XX века; реформах и реформируемости страны; состоянии общества и власти; причинах революций в России; о неравномерности национального развития, готовности страны к социальным экспериментам, процессах маргинализации, стратегических просчетах внешней и внутренней политики Российской империи.

Свое понимание сложившейся ситуации на Русском Севере в конце XIX – начале XX века в свете вышеуказанной проблематики, следуя многоакторному подходу, В. И. Голдин представил во второй главе *«Российская империя и Русский Север в начале XX века: попытка модернизации, диалектика реформ и революций»*. Автор монографии не выявляет стартового механизма революционного времени в отечественной и мировой истории в его региональной составляющей, так что ситуация характеризуется одновременно как «внезапная» и «подготовленная». «Провал столыпинской аграрной реформы на Севере», затянутость вопроса строительства Мурманской железной дороги, а также устройства глубоководного незамерзающего порта (проект С. Ю. Витте), позднее принятие ледокольной концепции России (адмирал С. О. Макаров), необразованность населения, промышленная отсталость Севера и др. все-таки не объясняют лояльности общества (включая духовенство) к революционной смене строя, принятию весьма хаотичного (что и привело в итоге к радикализации демократического движения) управления на местах, организованного Временным правительством.

В третьей главе *«Первая мировая война и Европейский Север»* для автора важен факт, вы-

текающий из политики Российской империи, в целом недооценивающей стратегическую роль Русского Севера, что оборона единственного незаблокированного порта – Архангельска – для ведения войны с Германией не была подготовлена. Ценою военно-стратегических ошибок стала интервенция. Сложилась беспрецедентная ситуация – межсоюзническая система обороны северных вод на территории России под командованием англичан (с. 102). Автор замечает, что «позиции Великобритании в северных русских морских водах последовательно укреплялись в годы Первой мировой войны» (с. 105), так что в 1916 году в Северном Ледовитом океане уже была создана Арктическая эскадра (The Arctic Squadron или British North Russia Squadron), база которой первоначально находилась в Иоканьге, бухте Баренцева моря, в дальнейшем – в Мурманске и Архангельске. Заслуживает упоминания и факт включения Северной России в зону влияния Великобритании в результате межсоюзнического разграничения русской территории в 1917–1918 годах (23.12.1917, Париж, секретная англо-французская конвенция о разделе сфер влияния в России (с. 208)).

Профессор В. И. Голдин подчеркивает, что фактор миграции играл значительную роль в событиях революции, интервенции и Гражданской войны на Севере России. Так, строительство Мурманской железной дороги собрало 70 тыс. человек различных этносов (по данным В. В. Голубева, до 170 тыс. человек). Совокупное население г. Архангельска (включая окраины) к 1917 году увеличилось до 160 тыс. человек. Во многом это уже был «другой» Архангельск. При этом северная деревня лишилась к 1917 году 47,4 % трудоспособного мужского населения, треть хозяйств не имели мужчин-работников, был значителен процент обедневших хозяйств (без скота, без коров, без посевов).

Период с февраля по октябрь 1917 года, рассмотренный в четвертой главе *«Февраль 1917 и развитие революционного процесса на Севере России»*, можно метафорически охарактеризовать как «Пастырская разруха» (с. 170). Сложилась уникальная ситуация: к Февральской революции в Архангельской и Олонецкой губерниях не было действующих губернаторов (с. 127). До октябряского переворота в Петрограде все партии, кроме большевиков, успели «побывать в министрах», но это не принесло плодов. В провинции устали от выборов, никто не хотел «брать власть». Запоздавшее земское самоуправление в Архангельской губернии было неэффективным (с. 151). Надежды связывали сначала с Временным правительством, затем – с Учредительным Собранием.

«Сложным было отношение к происходящим событиям российского духовенства и Православной церкви» (с. 135).

«Состоявшийся в Архангельске в июне 1917 года общеепархиальный съезд духовенства и мирян направил телеграмму Временному правительству: “переживая со всей Великой Россией радость обновленного строя

государственной жизни на началах свободы, выражает полную готовность всеми силами содействовать ему в устроении государственной жизни» (с. 147).

Однако надежды на «свободную церковь» (не встроенную в государственно-бюрократическую систему) не оправдались. Профессор В. И. Голдин, анализируя «Архангельские епархиальные ведомости» осени 1917 года, комментирует:

«Временное правительство приняло вероисповедный закон, ввело вместо обер-прокурора Святейшего Синода министра вероисповеданий», что «открыло двери агитации безверия» (с. 170).

Русский крестьянский Север, изначально не голосовавший радикально, постепенно революционизировался. Автор замечает: «...настроения большей части северной деревни летом 1918 были не в пользу советской власти» (с. 507). Решающим фактором, после которого история обрела необратимый ход, было отречение Николая II, в которое просто не могли поверить:

«В Усть-Цильме печорский уездный исправник, получив телеграмму об отречении императора, неделю скрывал ее от населения, забирая на почте всю корреспонденцию, и, в конце концов, уехал, предоставив события развиваться самим собой» (с. 127).

Хотелось бы остановиться на теме «безграмотности», «темноты» крестьянства – основного населения Русского Севера в этот период. Действительно, северорусское школьное образование было абсолютно «не в фокусе» государственного управления Российской империи, но вывод государственной комиссии по устроению земского самоуправления в Архангельской губернии о «недостаточной культурности и зажиточности» государственных крестьян (не знавших крепостного права), а значит «недостойных» самоуправления – по меньшей мере, недальновиден. Вот что обсуждали на Архангельском губернском съезде крестьянских депутатов в июне 1917 года «темные» крестьяне:

«В принятой резолюции указывалось, что желательной формой правления является полное народовластие в виде демократической республики и федерации, с однопалатным парламентом и без президента, с прямым народным законодательством и с правом всенародного голосования (референдума), и законодательного почина (инициативы), а также предоставлением отдельным народностям и областям широкого самоуправления» (с. 152).

В главах пятой «*Октябрьский разлом и Русский Север*» и шестой «*Мурманский гамбит: Север России на пути к интервенции и Гражданской войне*» описано трудное самоопределение Русского Севера в условиях информационного вакуума, постепенное вовлечение в Гражданскую войну и осуществление целей интервентов по захвату управления на Севере. «Северяне боятся, что край (Мурманский край) может стать предметом торга Советской России и Германии» по итогам Брест-Литовского мирного договора (с. 294), не понимают установки Л. Д. Троцкого на сотрудничество с Антантою при отказе продол-

жать войну. Желание советской власти «использовать одних империалистов в борьбе против других империалистов» (то есть Антантою против Германии), реализованное в практической политике Мурманского краевого Совдепа, привело в итоге к захвату власти интервентами на Мурмане. В тексте совместного меморандума № 31 от 3.06.1918 «Союзная интервенция в русских портах Северного Ледовитого Океана» страны Антанты заявляли о начале реализации масштабного геополитического проекта: «...занятие Мурманска Антантою защитит фланги союзных армий, которые со временем будут действовать в Сибири» (с. 354).

Значительную часть более чем 500-страничного труда занимает глава седьмая «*Кровавое северное лето восемнадцатого*» (200 страниц). События на Русском Севере с конца XIX века по весну 1918 года рассмотрены автором как пролог к драме Гражданской войны и интервенции. Богатый ресурсами Русский Север рассматривается Антантою как «плата» за долги царской власти, за помощь в Первой мировой войне (с. 470). Отсчет интервенции ведется с разрыва сотрудничества между Мурманским краесоветом и советским правительством (30.06.1918 года). Автор подчеркивает особую роль в этом процессе председателя Мурманского краесовета А. М. Юрьева. На территории Русского Севера велась активная разведывательная деятельность, так что «надладить эффективную систему противодействия проникновению антибольшевистских элементов на Север так и не удалось», – признался руководитель советской ревизии М. С. Кедров. Исследователь упоминает дискуссионную тему участия в подготовке интервенции в Россию и на Русский Север одного из легендарных шпионов XX века – англичанина Сиднея Рейли (с. 470). Контрреволюционная деятельность и интервенция стимулировались присутствием в Вологде союзных посольств, которые, отмечает автор, «являлись центром антисоветских настроений и действий» (с. 477). Был умело подготовлен антисоветский заговор в Архангельске, повлекший за собой сдачу города интервентам Верховным управлением вновь учрежденной (2.08.1918 года) Северной области с центром в Архангельске.

В *Заключении* автор очерчивает тематику последующих томов и предлагает задуматься, каким образом «малая» Гражданская война в стране смогла перерasti в широкомасштабное фронтовое противоборство в последние годы (с. 554).

Книга представляет собой фундаментальный научный труд, адресованный не только профессиональному сообществу, но всем, кто интересуется проблемами Севера, и прежде всего современной молодежи, ибо уже не однажды «Россия молодая» вершила историю Отечества и должна понимать ее славные и роковые страницы.